

Несъедобный Пушкин

Как артист убил Мамонова

Те, кто пришел на состоявшийся в Театре Станиславского литературный вечер «Шоколадный Пушкин», увидели, как Петр Мамонов играет Петра Мамонова — он оставался самим собой, и это было здорово. Все стало по-другому, когда певец попытался быть настоящим артистом: тогда на сцене появился паясничавший Мамонов. Верные мамоновскому мифу зрители зычно хохотали, посвященные высшей ступени кричали: «Петя, покажи им палец!», все прочие смотрели в потолок.

Известия. 2001. 13 сент. — с. 10

Алексей ФИЛИППОВ

Суть действа, естественно, была в самовыражении, и здесь Мамонов оттянулся по полной программе. Наложённые на фонограмму речитативы, короткие монологи, песни и даже пародийные номера, когда он передразнивал какую-то итальянскую арию... Дикое, бессмысленное, нутряное слово рвалось наружу, не находя ни смыслового оформления, ни ритмического лада — мамоновский герой и сам не понимал, что хочет сказать, но в мекании и мычании была своя гармония.

Мамонов умен и, судя по всему, образован, то, что он делает, имеет крепкие культурные корни. Его персонаж, странное, разрывающееся между высокой образностью и нечленораздельным бормотанием существо, которое ясность духа позаимствовало у ангела, а язык и телесный облик — у дворового алкоголика, сродни Хлебникову, раннему Заболоцкому, Хармсу.

Мамонов показывает, как, треща от внутреннего напряжения и осыпаясь на ходу, мысль складывается в корявое, безобразное, разрушающее форму, но точно соответствующее своей внутренней сути слово. Временами сил не хватает, и вместо речи рождается вой — герой корчится, пытаясь высказать невыразимое, но Слово не приходит...

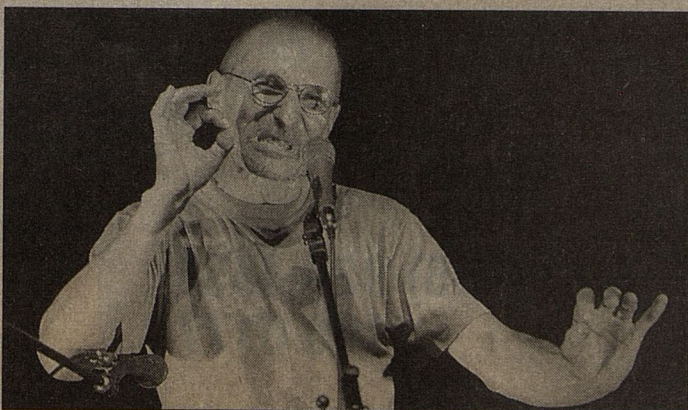
А еще Мамонов показал то, что делал задолго до появления модного теперь Гришковца: как персонажа несет поток сознания, и он, словно на машине

времени, попадает в детство — по ступеням шлепают стоптанные ребячьи сандалии, катушечный магнитофон за двести двадцать р. приводит его в священный восторг. Зачем он продемонстрировал свою собственную особу? Заметим, что любовь к себе, находящемуся на сцене, это страшная вещь, она губила и гораздо лучших, в совершенстве владеющих ремеслом актеров. Но изображающий профессионала самодеятельный артист Мамонов мгновенно оборачивается дилетантом — он разыгрывает комические сценки, но от этого становится хорошо только поклонникам Мамонова-певца.

Дело к тому же и в магии места (точнее — в ее отсутствии). Театральные подмостки не клубный зал и не сцена рок-концерта, здесь надо создавать образ, одна харизма на театре не вывезет. А если харизма скроена на скорую руку, в театре у нее ползут швы: именно это произошло в финале, когда Мамонов поднял руку и, включив обаяние, заговорил с залом от своего лица.

У этого чуть косноязычного, открытого, простого, лепящего все, что приходит в голову, Мамонова были чересчур отработанные, отшлифованные от долгого употребления интонации. Он замечательно ловко запинаясь и мекал, и под занавес «Шоколадный Пушкин» кончил жизнь самоубийством.

Сперва на сцене появился полудиккий человек и вывернул себя наизнанку, а потом пришел посредственный артист — и все опошил.

Мамонов как он есть